

Человек и общество

Man and Society

<https://doi.org/10.22363/2313-2302-2023-27-3-774-792>

EDN: EQVFPO

Научная статья / Research Article

Экзистенциальные источники скулшутинга и «колумбайна»

Л.В. Баева

Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева,
Российская Федерация, Астрахань, 414056, ул. Татищева, д. 20, корп. А

 baevaludmila@mail.ru

Аннотация. Вооруженные нападения в учебных заведениях с целью массовых убийств (скулшутинг, «колумбайн»), совершаемые подростками, стали нарастающей тенденцией последних лет, поражая своей непредсказуемостью, стихийностью, жестокостью. Изучение этого феномена проводится с различных оснований, что позволяет выявить его различные характеристики и особенности для диагностики и предотвращения. Представлены сложившиеся научные подходы к изучению скулшутинга (психологический, правовой, социологический, семиотический, экзистенциальный), показана их специфика и возможности. На основе анализа кейсов скулшутинга в России в 2014—2022 гг. показаны основные признаки и тенденции проявления массовых нападений в учебных заведениях. Используя возможности экзистенциального подхода в философии и психологии, на основе трудов А. Камю, Э. Фромма, М. Босса, В. Франкла, Л. Берковица выявлены смысловые этапы и элементы скулшутинга как экзистенциального преступления и последующего суицида. Целью нашего исследования выступает выявление и характеристика источников и сущности скулшутинга («колумбайна») как экзистенциального типа преступления для понимания смысловых мотивационных источников скулшутинга и анализа «пограничной ситуации», ведущей к индивидуально-деструктивному бунту против мира. Показана связь неразрешенности экзистенциальных потребностей и проблем личности и запускающих саморазрушительные механизмы личности факторов, с демонстративным «бегством» от реальности, на фоне масс-медийного паттерна агрессивности и легитимации насилия как способа преодоления проблем и самопрезентации. Представленные характеристики и моделирование поступков скулшутеров на основе экзистенциального анализа позволили сделать выводы о возможных мерах противодействия подобным преступлениям.

© Баева Л.В., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: массовые нападения в школе, преступления-копии, экзистенциальное преступление, философия ненависти, деструктивность, бунт, абсурд, бытие к смерти, суицид

Информация о финансировании и благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00765. Режим доступа: <https://rscf.ru/en/project/23-28-00765/>.

История статьи:

Статья поступила 10.03.2023

Статья принята к публикации 26.06.2023

Для цитирования: *Баева Л.В.* Экзистенциальные источники скулшутинга и «колумбайна» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2023. Т. 27. № 3. С. 774—792. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2023-27-3-774-792>

Existential Sources of School Shootings and Columbine

Liudmila V. Baeva

Astrakhan Tatishchev State University,
20a Tatischeva St., 414056, Astrakhan, Russian Federation
baevaludmila@mail.ru

Abstract. Manifestations of school shooting or ‘columbine’, constituted by armed mass attacks and murders in educational institutions perpetrated by adolescents, have proliferated in recent years. They are marked by their unpredictability, spontaneity and cruelty. This phenomenon has been subject to scholarly examination from various perspectives, enabling the elucidation of its multifarious traits and characteristics as a means of diagnosis and prevention. This study surveys established academic approaches to the study of school shootings (psychological, legal, sociological, semiotic, existential) and delineates their specificity and scope. Drawing on analysis of incidents of school shootings in Russia from 2014—2022, key signs and tendencies in the occurrence of mass attacks on educational institutions are delineated. Adopting existential approaches in philosophy and psychology, notably the works of A. Camus, E. Fromm, M. Boss, V. Frankl and L. Berkowitz, the semantic stages and constituents of school shootings as existential crimes and subsequent suicides are elucidated. The present study aims to identify and characterise the roots and essence of school shootings (‘columbine’) as an existential crime type, in order to comprehend the semantic motivational origins of school shootings and analyse the ‘boundary situation’ engendering individual destructive rebellion against the world. The nexus between unresolved existential needs and quandaries of the individual and the factors triggering self-destructive personality mechanisms is expounded, whereby the individual enacts an ‘escape’ from reality against the backdrop of media-disseminated aggressiveness and legitimation of violence as a means of overcoming problems and self-presentation. The existential analysis and modelling of school shooters’ actions offered here has enabled conclusions to be drawn regarding potential countermeasures to such crimes.

Keywords: mass attacks in schools, crimes-copies, existential crime, philosophy of hatred, destructiveness, rebellion, absurdity, being-towards-death, suicide

Funding and Acknowledgement of Sources. The work was supported by the Russian Science Foundation (grant № 23-28-00765). Available from: <https://rscf.ru/project/23-28-00765/>.

Article history:

The article was submitted on 10.03.2023

The article was accepted on 26.06.2023

For citation: Baeva LV. Existential Sources of School Shootings and Columbine. *RUDN Journal of Philosophy*. 2023;27(3):774—792. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2023-27-3-774-792>

Введение

Развитие цивилизации и научный прогресс в целом не уменьшили социальных противоречий, конфликтов, хотя и создали систему моральных и правовых регуляторов, призванных способствовать решению этих задач. Проявления агрессии, насилия, в том числе с использованием оружия сопутствуют истории человечества, как массовых формах (вооруженных конфликтах, войнах), так и в индивидуальных проявлениях (терроризм, криминальные преступления), хотя динамика в различных странах существенно отличается. На фоне общих криминальных хроник последних трех десятилетий одним из наиболее острых и трудно прогнозируемых, разрушительных по воздействию стал феномен «колумбайна» (скулшутинга), трагически известный в виде массовых убийств (расстрелов) в учебных заведениях (в ряде случаев с последующими суицидами). Его история и практики оказываются во многом связанными с массовым расстрелом в школе Колумбайн 1999 г. (который был далеко не первым в США, но впервые обрел широкую огласку в СМИ), получившим вирусное воздействие и распространение в молодежной субкультуре, затем в онлайн-культуре и социальных медиа в качестве своеобразного «культы». В США в последующие годы было совершено более 100 подобных актов расстрелов, и эта статистика ежемесячно пополняется. В России это явление также проявилось с разрушительной мощью, хотя и в значительно меньшей степени, в силу действующего запрета на свободную продажу оружия.

Массовые расстрелы, преступления-копии, первоначально стремились объяснить исключительно социально-психологическими факторами (дисфункциями и психологическими расстройствами), однако их корни оказались гораздо более сложными. Исследование кейсов скулшутинга показало, что эмоционально-психологические причины сопутствуют и иным источникам, связанным как с развивающейся идеологией радикализма и экстремизма в молодежной среде, так и с фактором информационного воздействия в медиакультуре, где доминирует образ террориста-одиночки, мифологизированного героя, способного бросить вызов обществу. Во многом остаются

неявными запускающие акт агрессии причины внутренний триггерный механизм, степень влияния информационного контента на те или иные молодежные группы и их особенности, выявление факторов риска и защиты от них, оценка феноменов современной медиакультуры как фреймообразующего фона, провоцирующего пограничные состояния или трансгрессивный переход «предела».

Непредсказуемость, неявность корреляций с мотивирующими факторами, аналогии исходных ситуаций и во многом единый сценарий самого преступления, его многократное повторение и тиражирование — стали атрибутами преступлений-копий, подобно вирусу, распространяясь в конце XX — XXI веках. Эта латентная скрытая угроза, внезапно появляющаяся в разных точках общества, сформировала запрос на аналитические исследования, которые должны прояснить факторы, источники и меры защиты от этого типа преступлений, признанных в России с 2022 г. проявлением терроризма. В социально-философских и гуманитарных исследованиях сегодня большое внимание уделяется проблеме роста агрессии в современном социуме в целом и проявлениям деструктивной активности в молодежной среде в особенности. Эта широкая тематика имеет множество аспектов и формирует актуальный исследовательский фронт, в котором объединяются возможности различных научных областей и их методов.

Классификация исследовательских подходов к изучению скулшутинга

Исследования, посвященные изучению колумбайна или скулшутинга как преступления и социального феномена главным образом направлены на характеристику правовых, социальных, психологических аспектов проблемы.

Важнейшим основанием анализа скулшутинга выступает *психологический* подход, осуществляемый с применением различной методологии (от психоанализа, бихевиоризма, гештальт-психологии до современных интегративных исследований). Его задачей является понимание психологии поступка и психологического портрета нападавших, анализ мотивов и фона преступления, оценка его влияния на окружающих, последствия и эффекты для коллективного сознания.

Одним из признанных специалистов по теме скулшутинга является американский психолог П. Лангман, посвятившей этой проблеме серию статей, монографий, создавший информационный ресурс School Shooters.info¹. Исследователь, изучивший многочисленные кейсы массовых нападений в учебных заведениях в США и других странах, приходит к выводам, что это особый тип преступлений-демонстраций, который осуществляется под влиянием целого ряда факторов, прежде всего связанных с психическими особенностями нападавших. В монографии «Почему дети убивают» П. Лангман

¹ SCHOOL SHOOTERS. INFO. Resources on school shootings, perpetrators, and prevention [Internet]. Available from: <https://schoolshooters.info/> (accessed: 15.02.2023).

раскрывают различные аспекты скулшутинга, предупреждая, что не стоит выводить причины убийств из действия того или иного отдельного фактора (травли, асоциальности, употребления психотропных веществ, увлеченность шутерами и др.) Кейсы преступлений показывают, что дети и подростки, совершившие их, были в разной степени вовлечены в социальную среду школы, имели хорошие контакты в семье, нередко производили впечатление «очаровательных» ребят, которые, однако, были полны гнева и оказались готовы к убийствам.

П. Лангман связывает это с определенным психическим типом поведения, который отличает этих детей от «обычных», также получающих то или иное внешнее воздействие. Он выделил психопатические, психотические и травмированные типы скулшутеров, в том числе с перенесенными ранее травмами или обидами (подвергавшиеся физическому, эмоциональному, а иногда и сексуальному насилию), имеющих симптомы шизофрении или шизотипического расстройства личности, серьезные социальные и эмоциональные нарушения [1].

П. Лангман выявил, что во всех случаях шутинга общим был их демонстративный характер, что проявлялось и в предупредительных знаках. Это могли быть сигналы о ненависти и мести (1), о приглашении кого-то из знакомых присоединиться к расправе (2) и, наконец, предупреждения друзьям и близким держаться подальше в день преступления от учебного заведения (3). Предупреждающие знаки могут быть в разговорах о массовых убийствах, интерес к оружию, серийным убийствам, а также размещение постов с собственными видео и фото в соцсетях с оружием либо угрозами убийства, мести и т.п. [2]. Исследования П. Лангмана позволяют во многом осмыслить внутренние факторы скулшутинга, которые проявлялись при тех или иных внешних триггерах.

Социально-психологические аспекты скулшутинга в России исследуют Е.А. Пастыка и М.Е. Питанова, С.К. Погребная, отмечая, что факторами вовлеченности подростков в деструктивные группы могут стать особенности личности, среди которых маргинальность, «затяжной» паталогический подростковый негативизм, возбудимость, импульсивность, пониженный (повышенный) интеллект, эгоцентрическая фиксация, несформированность коммуникативных навыков, эмоционально-волевые нарушения, нарушение идентичности, поляризация самооценки, когнитивные искажения, чувство одиночества [3]. Для предупреждения скулшутинга исследователи предлагают не только выявлять склонности к агрессии у подростков, но и принимать меры по работе с такими подростками (психологические тренинги, арт-терапия и др.) [4].

Психологические и криминалистические аспекты скулшутинга исследует В.О. Карпов, что позволяет ему дать характеристику этому типу преступлений, а также составить обобщенный психологический портрет нападавших (которым свойственны замкнутость, мизантропия, социопатия,

а также психологические дисфункции, комплекс неполноценности, фрустрированность, чувство неопределенности и ненужности) [5].

Правовой, криминологический подход к проблеме скулшутинга раскрываются в работах Ю.В. Суходольской [6], А.С. Чунина [7], К.Б. Ваняна [8], И.Н. Мосечкина [9], Орловой [10] и др. Так И.Н. Мосечкин подчеркивает важность таких мер, как контроль за оборотом оружия, усиление работы охраны в учебных заведениях, подготовку педагогов в чрезвычайные ситуации для минимизации числа жертв, а также делает вывод о необходимости усиления социализации потенциальных нарушителей закона [11. С. 259—260]. Отметим, что меры по запрету распространения в социальных сетях информации о «Колумбайне» и колумбайнерах были приняты в 2018 г. только после третьего нападения (Иванотеевка, Улан-Уде и Пермская школа)².

Социологический подход направлен на характеристику социальных детерминант этого феномена (социальные противоречия, конфликты, травля и др.), изучение принадлежности акторов преступлений к тем или иным социальным группам, установление корреляций (возраст, пол, принадлежность к социальным слоям, субкультурам, сообществам, политическим либо криминальным группировкам, а также сверх-увлеченность теми или иными объектами либо наличием аддиктивных проявлений и др.).

Здесь следует прежде всего отметить исследования профессора А.Ю. Карповой и ее коллег из ТПУ, которыми проведен социологический анализ кейсов шутинга в России, представлена характеристика социально-психологических особенностей акторов, их вовлеченности в иные деструктивные сообщества, их увлечений и референтных групп [12; 13].

Исследователи приходят к заключению о том, что в преступлениях скулшутеров, несмотря на их аналогии, не выявлено четких закономерностей и корреляций, в связи с чем их сложно предупредить и выявить. В тоже время в качестве важнейшего источника, формирующего интерес к «колумбайну», выступают Интернет и СМИ, подробно освещая каждое преступление и личность нападавшего. В связи с чем А.Ю. Карпова справедливо делает вывод о том, что СМИ не должны быть рекламой этих преступлений и следует избегать раскрывать имена преступников, давая в открытый доступ минимальную информацию [13].

Информационно-коммуникационный подход связан с изучением проявлений негативного информационного воздействия на подростков в интернет-коммуникации, культа насилия в масс-медиа, распространения деструктивных виртуальных сообществ в социальных медиа. Анализ проблемы скулшутинга с позиции информационного воздействия представлен в работах В.А. Сапрыкина [14], Е.О. Маловой [15], Г.В. Красновой и А.А. Маркова [16] и др. Например, Е.О. Малова отмечает, что скулшутинг непосредственно связан с девиациями в цифровой среде, в том числе аддиктивным поведением,

² Федеральный закон "Об информации, информационных технологиях и о защите информации" от 27.07.2006 № 149-ФЗ (последняя редакция).

поглощенностью компьютерными играми и отрывом от реальной коммуникации. Среди факторов, ведущих к скулшутингу и самоубийству, исследователь выделяет буллинг и кибербуллинг как источники, имеющие значительное негативное воздействие и практически неконтролируемые педагогами или родителями.

Семиотический анализ феномена скулшутинга дают в своем исследовании У.Б. Гриненко и И.В. Ромеро Рейес. Применяя машинный анализ текстов на основе парсинга сайтов и соцсетей, связанных с темой скулшутинга, исследователи показывают степень заинтересованности аудитории этой темой и анализируют потенциальные риски, связанные с продвижением и распространением связанного с идеологией колумбайна медиаконтента [17].

С позиции *экзистенциального* подхода исследователи анализируют отдельные аспекты скулшутинга как трансгрессивного акта, что получило отражение в работах в исследованиях Н.Д. Узлова, М.Н. Семеновой. Скулшутинг трактуется в этом контексте как вид «злокачественного нарциссизма» как «деструктивный вариант трансгрессивного акта (в трактовке Жоржа Батая) как агрессивный выход за пределы морально-нравственных, правовых и религиозных границ». Н.Д. Узлов и М.Н. Семенова квалифицировали суть скулшутинга как трансгрессию, переступание морального предела, отрицание Бога и утверждения своего нарциссического Я. Осознание себя богом, палачом, вершителем судеб происходит на фоне «незрелости сознания молодых людей под влиянием массовой культуры, образов «величия» насилия и жестокости, почерпнутых из культовых фильмов и компьютерных игр, увлечения мистикой, специфических музыкальных пристрастий, влияния сетевого окружения и проч.» [18]. Этот подход о многом будет разделяться в нашем исследовании, где мы обратимся к изучению источников и сущности скулшутинга как экзистенциального преступления.

Материалы и источники

Благодаря этим основным подходам сформировался значительный исследовательский материал и аналитика по проблеме скулшутинга, которые, полагаем, могут быть дополнены со стороны философского анализа, позволяющего решить следующие основные задачи: 1. Уточнить понятие и сущность этого феномена. 2. Систематизировать сложившиеся подходы по его изучению. 3. Раскрыть философию деструктивности, смысловые и аксиологические аспекты поступка нападавших. 4. Охарактеризовать направленность, элементы и этапы скулшутинга как экзистенциального преступления. Основой для такого исследования нами предлагается экзистенциальный подход, который в наибольшей степени нацелен на выявление экзистенциальных проблем личности, ее взаимоотношения с миром и Другим, характеристику ситуации «бунта» и «абсурда», экзистенциалов «бытия к смерти» и «пограничности» существования.

Прежде всего уточним само понятие, которое было дано в различных работах, но вместе с тем не имеет четких границ. Скулшутинг (от англ. расстрел в школе) или «колумбайн» (от расстрела в школе Колумбайн, получившего массовое освещение в СМИ) есть спланированное, организованное демонстративное вооруженное нападение, совершенное, как правило, одним или несколькими участниками, в отношении учащихся и сотрудников учебных заведений с целью массового убийства (и в ряде случаев последующего самоубийства) на почве ненависти к окружающим. Термин является условным, поскольку используется и для описания нападений, совершенных без огнестрельного оружия, и не только в школах, но и в вузах и колледжах. Нападавших называют как скулшутерами, стрелками, так и «колумбайнерами». Более точным с учетом указанных уточнений будет понятие «вооруженное демонстративное нападение в учебных заведениях на почве ненависти». Далее мы будем использовать утвердившиеся ранее термины «скулшутинг» и «колумбайн», понимаемые как синонимы.

Проблема скулшутинга, как известно, получила распространение после массового расстрела в школе Колумбайн штата Колорадо 20 апреля 1999 г., который был свершен учащимися Эриком Харрисом и Диланом Клиболдом, и его жертвами стали 13 человек и пострадали еще 24. После неудавшегося минирования столовой Харрис и Клиболд расстреляли школьников и учителей, а затем убили друг в друга в помещении школьной библиотеке. Их преступление стало источником для многих последующих подражаний, терактов-копий, совершенных подростками в США, а затем и в других странах.

США с большим отрывом опережают все страны по количеству совершенных массовых нападений и убийств в школах. По данным информационного портала «Sandy Hook Promise», в США ежедневно от насилия с применением оружия погибают 12 детей и 32 получают ранения³. В целом в США с 1970 г. совершено 2032 подобных преступления. Отмечено, что в 93 % случаев преступление планировалось заранее и в 4 из 5 случаев хотя бы один человек знал об этом заранее и не сообщил.

В Европе массовые убийства в школах были в Швеции в 2015 г. (там во многом причиной стала расовая нетерпимость, преступник выбрал школу, в которой около 90 % учеников были детьми мигрантов), в Финляндии подобные преступления имели место в 2007, 2008 и 2012 гг., в Эстонии в 2014 г. и во Франции в 2017-м.

В России с 2014 г. было совершено 11 подобных преступлений. Первое произошло в феврале 2014 г., когда десятиклассник московской школы № 263, вооруженный винтовкой и карабином, застрелил учителя географии, взял в заложники одноклассников. После приезда полиции он убил одного

³ About Gun Violence And School Shootings [Internet]. Available from: <https://www.sandyhookpromise.org/blog/gun-violence/16-facts-about-gun-violence-and-school-shootings/> (accessed: 15.02.2023).

и тяжело ранил другого полицейского, затем сдался, а позже был объявлен невменяемым и избежал приговора.

Начиная с 2017 г. подражание «колумбайнерам» стало активно продвигаться в России в виртуальных сообществах через социальные сети. В сообществах в сети «ВКонтакте» («Эрик Харрис и Дилан Клиболд», «True columbine», «Columbine edits» и «Тупо колумбайнер») в 2017 г. состояло более 6,5 тысячи подписчиков (ныне заблокированы), где размещались фото и видео из дела Колумбайн, а сами Харрис и Клиболд романтизировались и героизировались как жертвы травли и оскорблений в школе.

Расстрел, совершенный девятиклассником из Ивантеевки Московской области, в сентябре 2017 г. также был проведен по сценарию «Колумбайна», подросток был зарегистрирован в социальной сети «ВКонтакте» под именем одного из стрелков Колумбайна и активно размещал на своей странице видеозаписи и фотографии стрельбы в школе Колумбайн. Прежде чем его страницу заблокировали, на нее успели подписаться почти 14 000 пользователей.

В 2018 г. в Перми в школе № 127 после нападения двух старшеклассников пострадали 15 человек, в том числе сами нападавшие, нанешие друг другу намеренные ранения. В марте 2018 г. в школе № 15 города Шадринска Курганской области 13-летняя ученица открыла стрельбу из пневматического оружия по одноклассникам, в результате инцидента пострадали семь подростков.

Наиболее массовой стала бойня в Керченском политехническом колледже в октябре 2018 г., когда от действий студента погибли 21 человек, 50 были ранены, сам он застрелился в библиотеке характерным для колумбайнеров способом. Стрелок копировал «колумбайнеров» в одежде и символически, как и Э. Харрис студент стрелял из помпового ружья, заминировал буфет (где произошел взрыв), использовал самодельные взрывные средства. В день расстрела в Колумбайне на Д. Клиболде была футболка с надписью «Гнев», что стало визуальным маркером для последующих нападавших, в том числе и для Керченского стрелка, на котором была футболка с надписью «Ненависть» (отметим, что футболки с такими надписями свободно продаются на разных сайтах).

В 2019 г. в Благовещенске студент Амурского колледжа из ружья расстрелял преподавателя и сотрудника охраны, ранил 3 человек, а затем покончил жизнь самоубийством.

В мае 2021 г. в Казани выпускник школы убил 9 человек и ранил 32, накануне опубликовав посты о том, что его мотивом является ненависть и стремление избавиться от «человеческого мусора».

В сентябре 2021 г. в Пермском государственном университете студент убил из ружья 6 и ранил 47 человек, используя также взрывные устройства. Во время нападения был ранен, после чего ему ампутировали ногу.

В сентябре 2022 г. в Ижевске был совершен акт скулшутинга, имеющий отличием то, что его совершил выпускник, которому было уже 34 года. Он

использовал травматические пистолеты и убил 18 и ранил 32 человека. Этот случай уже может быть выходящим за пределы исследуемых преступлений, поскольку мотивация подростков и взрослого человека имеет существенные различия, однако, в нем тоже были элементы подражания действиям Харриса и Клиболда.

Подражание расстрелу в школе Колумбайн имело место в большинстве перечисленных нападений: в Ивантеевке, Улан-Уде, Стерлитамаке, Керчи, Перми, Казани и Ижевске. Совершенные преступления по большей части имеют очевидные сходные черты: преступления осуществлялись в учебном заведении, где учился нападавший; предшествующая тщательная подготовка, продуманность плана; предупредительные сигналы (сообщения, посты) накануне преступлений; организованность действий по определенному сценарию (в основном копирование расстрела в школе Колумбайн); общий мотив можно объединить словом «Ненависть»; направленность преступлений не на конкретных личностей, а на всех представителей учебного заведения; применение оружия (как холодного, так и огнестрельного), в ряде случаев взрывчатых устройств; наличие внешних атрибутов, показывающих связь с «колумбайнерами» (одежда, надписи); в ряде случаев совершенные суициды или попытки к этому.

Наблюдаемой тенденцией скулшутинга в России стал переход от холодного оружия к огнестрельному, что повлекло и рост числа убитых и пострадавших, что свидетельствует о более тщательной подготовке, наличии доступа к огнестрельному оружию, а также о том, что преступления совершили более взрослые люди. Преступления 2021—22 гг. были совершены выпускниками школ, что является новой тенденцией, еще менее контролируемой для педагогов и сотрудников учебных учреждений.

Что касается характеристик личности, то здесь имеется ряд аналогий. В основном они касаются возраста (17—19 лет), хотя имеются и исключения (Шадринск — 13 лет и Ижевск — 34 года). Также отмечается общий для всех мотив «ненависть», связанный либо с травлей, либо конфликтами с педагогами. В тоже время нет общих черт в отношении успеваемости (среди нападавших были успевающие и неуспевающие), наличия психических отклонений (хотя в ряде случаев это имело место: Ивантеевка, Пермь-2018, Стерлитамак, Казань, Ижевск). Ряд нападавших имели замкнутый характер, отличались импульсивностью и агрессивностью, но были и такие, кто производил впечатление благополучных, спокойных подростков, ничем не выделявшихся по сравнению с другими. Практически все подростки были увлечены компьютерными играми, однако этот критерий является настолько широко распространенным, что как единственный он не мог бы стать мотивирующим фактором. Среди исследователей разделились мнения относительно суггестивного влияния насилия в компьютерной игре на сознание и поведение геймеров в реальной жизни. С одной стороны, имели место обоснования взаимосвязи поведения геймеров в играх, содержащих жесткие

сцены насилия [19], с другой, исследования, опровергающие такое влияние [20].

Конечно, было бы упрощением сводить многообразие сценариев и источников этого социального явления к одному из фактов, будь то реакция в ответ на буллинг, увлеченность ролевыми видеоиграми или влияние в интернет-групп. Каждый из сценариев имеет индивидуальность, но при этом экзистенциальные основания поступков подростков имеют во многом единую природу.

Между «Тварью дрожащей» и «Палачом»: экзистенциальный анализ скулшутинга

Анализ кейсов и документальных источников скулшутинга показывает, что, для стрелков большую роль играла демонстративность их поступка, стремление привлечь к себе максимальное внимание, которое во многом отсутствовало в их повседневной жизни. Подобное стремление, свойственное нарциссивным личностям, усиливается в условиях современной медиакультуры, где индивид пытается привлечь к себе наибольшее количество просмотров, оценок, упоминаний и т.д. При этом многие из нападавших только хотели казаться бесстрашными героями, хотя испытывали комплексы неполноценности, неуверенность, последствия морального или физического насилия над ними со стороны окружения. Некоторые из «колумбайнеров», по описанию их одноклассников и знакомых, подвергались унижениям со стороны одноклассников, учителей, улицы, родителей. Они ощущали себя ненужными и ненавидели свое окружение. При этом некоторые нападавшие сами отличались повышенной жестокостью, отсутствием эмпатии и даже садизмом [1. С. 41].

Анализ кейсов скулшутинга показывает, что каждый нападавший оказывался в «пограничной ситуации», которая могла быть связана с различными триггерами, но из которой субъект находил исключительно деструктивный и саморазрушительный выход. Несмотря на то, что причинами ненависти нередко выступали обиды и унижения, все случаи массовых нападений в учебных заведениях показывают, что их акторы позиционируют себя не в качестве жертв, а в качестве «палачей», осуществляющих возмездие («очищение» от «биомусора»), и даже в качестве Бога (Д. Клиболд из Колорадо, И. Галявиев из Казани). В основе такой позиции лежит ощущение «грандиозности своего Я», представление о себе как сверхчеловеке, имеющем право вершить суд или преподнести урок «обычным» людям. При этом долгое планирование нападений показывает, что они совершены не в состоянии импульсивности, аффекта, а имели черты рационального действия, совершенного на почве определенных идейных установок. Это свидетельствует о глубокой захваченности своим гневом, ненавистью, о культивировании в себе агрессии как способа решения всех проблем.

Нападение является неким результатом, финальной точкой, и его необходимо рассматривать как цепь событий и состояний, ведущую к своему

итогу. Полагаем, что массовые нападения в учебных заведениях могут быть определены как экзистенциальные преступления, направленные на решение экзистенциальных проблем нападающего (абсурдность, нигилизм, отчаяние, страх, одиночество, неприятия смыслов и ценностей мира), с одной стороны, и отрицающие права на существование для Других.

Прежде всего, следует выделить основные элементы поступка нападавшего и подготовки к нему. С учетом тех или иных особенностей к ним можно отнести следующие.

1. Осмысление неудовлетворенности своей жизни (на фоне различных причин: депривации заботы родителей, фрустрации от нереализованных устремлений, социальная эксклюзия, авторитарность окружения, травля и др.). Модель «мир (Бог) отверг меня».

2. Объяснение своей неудовлетворенности внешними причинами (родители, учителя, сверстники, общество в целом). Модель «Мир враждебен ко мне».

3. Ощущение и культивирование чувства ненависти к миру и окружающим, фиксация объектов ненависти. Модель «Я против мира».

4. Осознание своего одиночества, чуждости обществу; неспособность или нежелание взаимодействия с Другими для преодоления одиночества и чуждости миру. Модель «Я один. Никто не поможет».

5. Неспособность найти смысл и ценность жизни, восприятие ее как абсурда, неизбежного разрушения своего Я под внешним давлением. Модель «Мир есть абсурд».

6. Осмысления себя как исключительного героя, имеющего особую миссию. Модель «Я не такой как все и имею особые права» или «Я — Бог».

7. Поиск героя-аналога и захваченность его поступком. Модель «Я могу быть таким, как мои Герои».

8. Размышление о мести, наказании, возмездии и убеждение в том, что они необходимы. Модель «Мечь очищает и спасает».

9. Размышления о смерти: 1) смерти тех, кто является объектами ненависти как необходимой и оправданной в собственных глазах для решения проблем своего существования; 2) размышление о собственной смерти как выходе из противостояния Я и мира, не обладающего ценностью. Модель «Смерть очищает и спасает».

10. Переход от размышления к осуществлению идей. Совершения поступка как «акта возмездия» по отношению к другим и акта самоутверждения, в том числе в собственных глазах. Модель «Да свершится возмездие!».

11. В случае совершения суицида: воплощение желания смерти как решения невыносимых проблем существования и неприятие ценности жизни. Совершение самоубийства как негативный ответ на вопрос: стоит ли жизнь того, чтобы быть прожитой? «Я завершил миссию, я удаляюсь».

12. В случае сохранения жизни: окончательное разграничение себя общества. «Я бросил вызов, сделал, что мог. Мир не изменить».

Переживание экзистенциальных проблем (ощущение одиночества, смертности, объективации и подавления Я внешними факторами) с наибольшей остротой характерно для подросткового и юношеского возраста, когда происходит становление личности не только в физическом, но в мировоззренческом плане. При этом важную роль играет способность к формированию смыслов и ценностей, позволяющих, вопреки невозможности изменить окружающие условия, не просто выжить в нем, но и ощущать себя свободно и полноценно. Отрицание традиции, морали, закона, авторитета оставляет пустоту смыслов и ценностей. Жизнь теряет основание для того, «чтобы быть прожитой» (А. Камю). Вопрос о смерти и самоубийстве являются оправданными для поисков смысла и ценности существования: «Есть лишь одна по-настоящему серьезная философская проблема — проблема самоубийства. Решить, стоит или не стоит жизнь того, чтобы ее прожить, — значит ответить на фундаментальный вопрос философии» [21].

А. Камю связывал самоубийство с осознанием абсурда, который окружает бытие человека и не тем самым делает призрачными все запреты: «В мертвенном свете рока становится очевидной бесполезность любых усилий. Перед лицом кровавой математики, задающей условия нашего существования, никакая мораль, никакие старания не оправданы а priori» [21. С. 31]. Человек обречен осознавать происходящее, и что «жить под этим удушающим небом — значит либо уйти, либо остаться». Если человек делает выбор в пользу самоубийства, заключает Камю, он не справляется с абсурдом, а лишь погружается в него: «самоубийство — это согласие с собственными пределами. Все закончено, человек отдается предписанной ему истории; видя впереди ужасное будущее, он низвергается в него» [21. С. 53].

Неприятие мира, ненависть и одновременно беспомощность становятся всепоглощающими чувствами, лишаящими человека связи с миром. Осознание того, что тебя ничего не держит в жизни, осознание своей ненужности и бесцельности формирует основание для эскапизма, ухода от мира и создание собственного онтопроекта, в котором есть только собственное Я.

По мнению Э. Фромма, неспособность разрешения экзистенциальных проблем и болезненный нарциссизм, становятся основаниями человеческой деструктивности. Анализируя источники деструктивности, Фромм приходит к выводу, что «злокачественная агрессия свойственна исключительно человеку и что она не порождается животными инстинктами» [22. С. 202]. Без сильных эмоциональных связей с миром, отмечал Фромм, человек будет невыносимо страдать от своего одиночества и потерянности. Будучи не в силах установить различные формы связи с другими людьми, он начинает стремиться либо к господству над другими (садизм), либо к подчинению (мазохизм). Если человеку закрыты и путь любви, и путь симбиоза, тогда он решает эту проблему иначе: он вступает в отношения с самим собой (нарциссизм). В результате он сам для себя становится целым миром и «любит» целый мир в себе самом, — пишет Э. Фромм. Последняя, по его мнению, злокачественная, форма решения этой проблемы (в сочетании

с экстремальным нарциссизмом) лежит в основе деструктивности как желания уничтожить всех остальных людей («Если никто, кроме меня, не существует, то нечего бояться других и мне не нужно вступать с ними в отношения. Разрушая мир, я спасаюсь от угрозы быть уничтоженным») [22. С. 204].

Однако мотивом для совершения преступлений может быть не только ненависть. Э. Фромм приводит пример, когда юноша в штате Аризона в 1972 г., не имеющий признаков агрессивности, убил своих родителей из ружья, поскольку ему «хотелось узнать, как происходит убийство». Фромм заключает, что мотивом подобных убийств «является не ненависть, а невыносимое чувство скуки, беспомощность и потребность увидеть хоть какие-то нестандартные ситуации, как-то проявить себя, на кого-то произвести впечатление, убедиться, что существуют такие деяния, которые могут прекратить монотонность повседневной жизни» [22. С. 252].

Э. Фромм обосновал, что ощущение абсолютной власти над другими людьми и чувство своего всемогущества создает иллюзию преодоления любых экзистенциальных преград (пограничных ситуаций), особенно если в реальной жизни у человека нет радости и творчества. Это квалифицируется им как садизм — превращение немощи в иллюзию всемогущества и называет это «религией духовных уродов» [22. С. 252].

Приведенные Э. Фроммом примеры и сделанные выводы могут быть ценными и при анализе философии поступков «колумбайнеров». Фактор скуки и отсутствия интереса к жизни также может оказаться одним из скрытых источников трагических событий. Неспособность к созиданию и острая зависть к успехам других также могут оказаться мотивами поступков нападавших на фоне масс-медийной рекламы насилия и Я-центризма.

Развивая экзистенциальный подход, Н.Д. Узлов и его коллеги справедливо отмечают, что «будущий убийца накапливает дефицит добродетелей (надежды и доверия к миру); воли и самоконтроля; целеполагания; принятия социальных норм», что приводит к напряжению, которое достигнув своего пика, приводит к травмирующему событию и совершению преступления [23. С. 275].

Происходящая в молодежных сетевых каналах и отчасти в СМИ мифологизация колумбайн-преступлений и образов нападавших, которые надолго оказываются в центре внимания, становится внешним стимулом для подростка в состоянии ценностно-смыслового вакуума, как повод сделать «что-то значительное» в своей жизни. Неудовлетворенность и опустошение на фоне поиска виноватых в собственной духовной пустоте, отрицание существующих социальных норм и концентрация на своей исключительности становятся причинами и импульсами для совершения деструктивного и в итоге саморазрушительного акта.

Экзистенциальный подход в философии и психотерапии был связан с выявлением основных экзистенциалов, формирующих личность человека, и важную роль среди них играли, «бытие к смерти» и проистекающего из этого забота о нем (М. Хайдеггер), «мирооткрытость» (М. Босс), диалог с Другим

(М. Бубер), «воля к смыслу» (В. Франкл). Осмысление своей смертности, конечности может и призвано стать основанием заботы о ней, но для этого требуются интеллектуальные и нравственные усилия. В своем противостоянии смерти на основе морали человек открывает «отношения», которые «являются основой для всех чувств благоговения, страха, благоговения, удивления, печали и уважения перед лицом чего-то большего и мощного» [24. Р. 120].

М. Босс указывал на особую важность осознанного отношения человека к собственной смерти, исключая попытки бегства от нее. «Мирооткрытость» как принятие того мира, экзистенциал, который позволяет больше доверять миру, а не бояться его и не пытаться управлять тем, что не подконтрольно.

Открытость означает возможность понимания мира, его вещей, их постижение, высвечивание для человека, создающего смыслы и значения. Другим базовым экзистенциалом является разделенность человеческой экзистенции с Другим, способность к «бытию-вместе».

Стремление к созданию смыслов и ценностей также является важнейшим основанием «устойчивости» человека в бытии. Это подробно описывал В. Франкл в своих работах, отмечая, что «изначальная «воля к смыслу» может быть фрустрирована, и тогда внутренняя духовная энергия человека проецируется в более низкое измерение, превращаясь в «волю к власти» (природу которой подробно исследовал Ф. Ницше) или в «волю к удовольствию», что в свою очередь описано З. Фрейдом. В. Франкл обосновывал, что смыслоутрата и неспособность ощутить ценность жизни (на фоне фрустрации, скуки, бесцельности действий) дают «экзистенциальный вакуум», опустошение, которое может развиваться либо по пути саморазрушения, либо через этот рубеж, «пограничную ситуацию» к утверждению подлинных значений, несводимых к обладанию благами, удовольствию или власти [25].

В современной медиакультуре наметился переход от реальных миропроектов в «инобытие» в цифровой среде, которое может способствовать отрицанию реальной социальности, с одной стороны, формированию собственных онтопроектов, в которых иллюзия грандиозности своего Я дополняется элементами его героизации, уподобляясь массмедийным и игровым персонажам, а Другой воспринимается в качестве бестелесной мишени.

Согласимся с авторитетным современным исследователем феномена агрессивности Л. Берковцем, который отмечал высокую роль медиа в распространении вируса агрессивности. Он полагал, что преступления, совершенные под влиянием фактора прайминга — феномены не только социальные, но и экзистенциальные, связанные с несформированностью способности к рефлексии, пониманию себя в мире [26]. Как следствие — невозможность присутствия в нем, желание выброситься из него или уничтожить его проявления как враждебные для собственного мира.

Заключение

Теория экзистенциалов применяется в качестве методологии исследования особенностей бытия человека в пространстве современной культуры, помогает расширить границы понимания современных феноменов. Наследие экзистенциализма позволяет применять его возможности для решения новых, не существовавших раньше проблем. При этом важно, поскольку это традиция является гуманистической, сохранение уверенности в том, что человек может подчинить себе разрушительные импульсы и, обладая разумом, преодолеть кризисные состояния. Однако в этом ему необходима помощь своевременной диагностики ситуации для сопровождения человека в ней, помощи в обретении ценности жизни, как своей, так и Другого, поскольку добро — это всегда усилие и труд, а их отсутствие — источник моральной энтропии.

Экзистенциальный анализ позволяет сформулировать и уточнить ряд понятий и признаков, связанных с темой скулшутинга и его философией бунта. Массовые вооруженные нападения в учебных заведениях, совершенные учащимися или выпускниками, представляют собой особый вид экзистенциальных преступлений, направленных не против отдельных личностей, а против представителей определенной «системы» (школы/колледжа/вуза), существование которых у нападающих вызывает ненависть, гнев на различной почве (от личных обид до презрения), приобретая всепоглощающий характер на фоне неспособности наполнения собственной жизни позитивными смыслами и ценностью. Экзистенциальное преступление (убийство) — это совершение насилия (убийства) для утверждения своего существования, преодоления «пустоты» бытия, и устранения другого как символа своего поражения. Самоубийство, совершаемое в актах скулшутинга, становится примером «бегства» от бессмысленного, абсурдного существования, отчаяния, от осознания собственной слабости, ничтожности на фоне притязаний на величие, успешность или власть.

Преодоление этих разрушительных для личности тенденций возможно и необходимо. Психологическая диагностика личности, развитие способности формирования позитивных ценностей и смыслов, а также отказ от поощрения Я-центризма, конкурентности в школе, от культивирования насилия в современной массовой культуре, контроль за контентом в социальных медиа и подготовка педагогов к выявлению и решению латентных проблем (буллинга, насилия и др.) — все это слагаемые мер профилактики и противодействия этому особому типу экзистенциальных преступлений и суицидов, совершаемых детьми и подростками.

Список литературы

- [1] *Лангман П.* Почему дети убивают. Что происходит в голове у школьного стрелка. М. : Эксмо, 2022.
- [2] *Langman P.* School shooters: The warning signs. (n.d.) [Интернет]. Режим доступа: https://schoolshooters.info/sites/default/files/school_shooters_warning_signs_1.1.pdf (дата обращения: 24.02.2023).

- [3] *Погребная С.К.* Социально-психологическая экспертиза при правонарушениях экстремистской направленности, совершенных несовершеннолетними // Наука и социум: материалы Всерос. науч.-практ. конф. 2020. № XIV. С. 40—44.
- [4] *Пастыка Е.А., Питанова М.Е.* Проблема вооруженных нападений подростков в образовательных учреждениях // Вестник Пензенского государственного университета. 2020. Т. 3. № 31. С. 21—25.
- [5] *Карпов О.В.* Культ Колумбайна основные детерминанты массовых убийств в школах // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2018. Т. 4. № 34. С. 442—446. <https://doi.org/10.24420/KUI.2018.49.27.001>
- [6] *Суходольская Ю.В.* Массовое убийство в образовательных организациях как объект криминологического исследования // Вестник науки и образования. 2019. Т. 6. № 1. С. 51—53.
- [7] *Чунин А.С.* Феномен скулшутинга в современной России. Правовой аспект // Обзор. НЦПТИ. 2020. Т. 3. № 22. С. 48—52.
- [8] *Ванян К.* Современные массовики как новое воплощение проблемы преступности на почве маниакальной одержимости // Вопросы российской юстиции. 2020. № 10. С. 309—324.
- [9] *Мосечкин И.Н.* Виктимологические аспекты противодействия вооруженным нападениям на учебные заведения (schoolshooting) // Виктимология. 2019. Т. 1. № 19. С. 46—53.
- [10] *Орлова Ю.Р.* Актуальные вопросы организации органами внутренних дел предупреждения насильственных преступлений, совершаемых несовершеннолетними в образовательных учреждениях // Криминологический журнал. 2020. № 1. С. 43—46. <http://doi.org/10.24411/2687-0185-2020-10012>
- [11] *Карпова А.Ю.* Механизмы индивидуальной радикализации в процессе самоорганизации молодежи // Молодежь и молодежная политика: новые смыслы и практики / под ред. С.В. Рязанцева, Т.К. Ростовской. М. : Экон-информ, 2019. С. 69—81.
- [12] *Карпова А.Ю., Максимова Н.Г.* Скулшутинг в России: что имеет значение? // Власть. 2021. Т. 29. № 1. С. 93—108.
- [13] *Селиванова Е.А.* Подготовка педагогов к осуществлению профилактики агрессивного поведения обучающихся в школах // Научное обеспечение системы повышения квалификации кадров. 2018. Т. 4. № 37. С. 78—87.
- [14] *Сапрыкин В.А.* Деструктивное поведение молодежи в условиях информационной войны: колумбайн-вызовы и меры преодоления // Теория и практика общественного развития. 2019. Т. 1. № 131. С. 18—21.
- [15] *Малова Е.О.* Современные реалии асоциальных проявлений подростков в интернет-пространстве // Инновационное развитие профессионального образования. 2020. Т. 2. № 26. С. 107—114.
- [16] *Краснова Г.В., Марков А.А.* Интернет как актуальная угроза информационной безопасности личности // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2018. Т. 2 № 110. С. 102—108.
- [17] *Гриненко У.Б., Ромеро Рейес И.В.* Семантический анализ цифрового деструктивного контента по тематике «скулшутинг» в социальной сети «ВКонтакте» // Психология и право. 2021. Т. 11. № 4. С. 180—195. <http://doi.org/10.17759/psylaw.2021110413>
- [18] *Узлов Н.Д., Семенова М.Н.* Скулшутинг: убийство и постгомицидное самоубийство как трансгрессивный акт // Суицидология. 2021. Т. 12. № 4. С. 16—30. [http://doi.org/10.32878/suiciderus.21-12-04\(45\)-16-30](http://doi.org/10.32878/suiciderus.21-12-04(45)-16-30)
- [19] *Anderson C.A., Shibuya A., Ithori N., Swing E.L., Bushman B.J., Sakamoto A., Barlett C.P.* Violent video game effects on aggression, empathy, and prosocial behavior

- in Eastern and Western countries: A meta-analytic review // *Psychological Bulletin*. 2010. Т. 136. № 2. P. 151—173. <https://doi.org/10.1177/1948550610379>
- [20] Ferguson C.J., Garza A., Jerabeck J., Ramos R., Galindo M. Not worth the fuss after all? Cross-sectional and prospective data on violent video game influences on aggression, visuospatial cognition and mathematics ability in a sample of youth // *Journal of Youth and Adolescence*. 2013. № 42. P. 109—122.
- [21] Камю А. Миф о Сизифе. Эссе об абсурде // *Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство*. М. : Политиздат, 1990.
- [22] Фромм Э. *Анатомия человеческой деструктивности*. М. : AST Publishers, 2015.
- [23] Узлов Н.Д., Оконская Н.К., Внутских А.Ю. Скулшутинг: социально-философский аспект проблемы // *Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология*. 2022. № 2. С. 264—276. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2022-2-264-276>
- [24] Boss M. *Psychoanalysis and Daseinsanalysis*. Lefebvre L.E., transl. New York : Basic Books, 1963.
- [25] Франкл В. *Человек в поисках смысла*. М. : Прогресс, 1990. С. 45—128.
- [26] Берковиц Л. *Агрессия: причины, последствия и контроль*. СПб. : Прайм-Еврознак, 2007.

References

- [1] Langman P. *Why children kill. What is going on in the head of a school shooter*. Moscow: Eksmo publ.; 2022. (In Russian).
- [2] Langman P. *School shooters: The warning signs*. (n.d.). [Internet]. Available from: https://schoolshooters.info/sites/default/files/school_shooters_warning_signs_1.1.pdf (accessed: 24.02.2023).
- [3] Pogrebnaya SK. *Socio-psychological expertise in extremist offenses committed by minors* In: *Science and society: Thesis s of the All-Russian Scientific and Practical Conference*. Vol. XIV. 2020. P. 40—44. (In Russian).
- [4] Pastyka EA, Pitanova ME. The problem of armed attacks by teenagers in educational institutions. *Bulletin of Penza State University*. 2020;3(31):21—25. (In Russian).
- [5] Karpov OV. The Columbine cult the main determinants of mass killings in schools. *Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2018;4(34):442—446. <https://doi.org/10.24420/KUI.2018.49.27.001>. (In Russian).
- [6] Sukhodolskaya YuV. Mass murder in educational organizations as an object of criminological research. *Bulletin of Science and Education*. 2019;6:51—53. (In Russian).
- [7] Chunin AS. The phenomenon of school shooting in modern Russia. The legal aspect. *Review. NCPTI*. 2020;3(22):48—52. (In Russian).
- [8] Vanyan K. Modern mass media as a new embodiment of the problem of crime on the basis of manic obsession. *Issues of Russian justice*. 2020;(10):309—324. (In Russian).
- [9] Mosechkin IN. Victimological aspects of countering armed attacks on educational institutions (school shooting). *Victimology*. 2019;1(19):46—53. (In Russian).
- [10] Orlova YuR. Actual issues of organization by internal affairs bodies of prevention of violent crimes committed by minors in educational institutions. *Criminological journal*. 2020;(1):43—46. (In Russian). <http://doi.org/10.24411/2687-0185-2020-10012>
- [11] Karpova AYu. Mechanisms of individual radicalization in the process of youth self-organization. *Youth and youth policy: new meanings and practices*. Ryazantsev SV, Rostovskaya TK, editors. Moscow: Ekon-inform publ.; 2019. P. 69—81. (In Russian).
- [12] Karpova AYu, Maksimova NG. Schoolshooting in Russia: what matters? *Power*. 2021;(29):93—108. (In Russian).

- [13] Selivanova EA. Preparation of teachers for the prevention of aggressive behavior of students in schools. *Scientific support of the system of advanced training of personnel*. 2018;4(37):78—87. (In Russian).
- [14] Saprykin VA. Destructive behavior of youth in the conditions of information war: combine-challenges and measures to overcome. *Theory and practice of social development*. 2019;1(131):18—21. (In Russian).
- [15] Malova EO. Modern realities of asocial manifestations of adolescents in the Internet space. *Innovative development of vocational education*. 2020;2(26):107—114. (In Russian).
- [16] Krasnova GV, Markov AA. The Internet as an actual threat to personal information security. *Proceedings of the St. Petersburg State University of Economics*. 2018;2(110):102—108. (In Russian).
- [17] Grinenko UB, Romero Reyes IV. Semantic analysis of digital destructive content on the topic of “schoolshooting” in the VKontakte social network. *Psychology and Law*. 2021;11(40): 180—195. (In Russian). <http://doi.org/10.17759/psylaw.2021110413>
- [18] Knots ND, Semenova MN. Schoolshooting: murder and post-homicidal suicide as a transgressive act. *Suicidology*. 2021;12(4):16—30. (In Russian). [http://doi.org/10.32878/suiciderus.21-12-04\(45\)-16-30](http://doi.org/10.32878/suiciderus.21-12-04(45)-16-30)
- [19] Anderson CA., Shibuya A, Ihori N, Swing EL, Bushman BJ, Sakamoto A, Barlett CP. Violent video game effects on aggression, empathy, and prosocial behavior in Eastern and Western countries: A meta-analytic review. *Psychological Bulletin*. 2010;136(2):151—173. <https://doi.org/10.1177/1948550610379>
- [20] Ferguson CJ, Garza A, Jerabeck J, Ramos R, Galindo M. Not worth the fuss after all? Cross-sectional and prospective data on violent video game influences on aggression, visuospatial cognition and mathematics ability in a sample of youth. *Journal of Youth and Adolescence*. 2013;(42):109—122.
- [21] Camus A. *The Myth of Sisyphus. An essay on the absurd*. In: *The Rebellious man. Philosophy. Politics. Art*. Moscow: Politizdat publ.; 1990. (In Russian).
- [22] Fromm E. *Anatomy of human destructiveness*. Moscow: AST Publishers; 2015. (In Russian).
- [23] Knots ND, Okonskaya NK, Intraskikh AYu. Schoolshooting: socio-philosophical aspect of the problem. *Bulletin of Perm University. Philosophy. Psychology. Sociology*. 2022;(2):26—276. (In Russian). <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2022-2-264-276>
- [24] Boss M. *Psychoanalysis and Daseinsanalysis*. Lefebvre LE, transl. New York: Basic Books; 1963.
- [25] Frankl V. *Man in search of meaning*. Moscow: Progress publ.; 1990. P. 45—128. (In Russian).
- [26] Berkowitz L. *Aggression: causes, consequences and control*. Saint Petersburg: Prime-Euroznak publ.; 2007. (In Russian).

Сведения об авторе:

Баева Людмила Владимировна — доктор философских наук, профессор, директор Каспийского гуманитарного института, профессор кафедры философии, Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева, Астрахань, Россия (e-mail: baevaludmila@mail.ru). ORCID: 0000-0003-0439-525X

About the author:

Baeva Liudmila V. — PhD in Philosophy, Professor, Director of the Caspian Humanitarian Institute, Professor of Department of Philosophy, Astrakhan Tatishchev State University, Astrakhan, Russia (e-mail: baevaludmila@mail.ru). ORCID: 0000-0003-0439-525X